

отдельных личностей, где фундаментальное значение обретает процесс социальной ориентации подрастающего поколения [22, с.57] с коррективами на решение новых задач в условиях традиций, более совершенной социальности.

Список использованных источников

1. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. – М., 1975.
2. Маркс К. Экономические рукописи 1858-1859 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.46: Ч.1. – М., 1968.
3. Ленин В.И. // Полн. СОБР. Соч., Т.39.
4. Марксистский диалектический метод // Краткий философский словарь / Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. – М., 1954.
5. Категории // Там же [4].
6. Георгиев Ф.И. Категории материалистической диалектики. Материалы к лекции по курсу диалектического материализма. – М., 1960.
7. Розенталь М.М. Диалектика «Капитала» К. Маркса. Изд. 2-е доп. И переаб. – М., 1967.
8. Ильенков Э.В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма: Размышления над книгой В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм». – М., 1980.
9. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. – М., 1980.
10. Диалектика // Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л.Ф. Ильичев и др. – М., 1983.
11. Системный подход // Там же [10].
12. Программа курса марксистско-ленинской философии для высших учебных заведений. М-во высш. И средн. Спец. Образования СССР. – М., 1984.
13. Степанов. Систематика природы и общества (Концептуальные основы и объективные основания). – М., 2002.
14. Солопов Е.Ф. Философия: Учеб. Пособие для студ. Высш. Учеб. Заведений. – М., 2003.
15. Философия: учеб. Пособие для студентов высш. Учеб. Заведений / В.С. Степин [и др.]; под общ. ред. Я.С. Яскевич. – Мн., 2006.
16. Спектор А.А. Проблематика единой методологии в системе культуры // Философское наследие Беларуси как духовная основа самоидентификации нации. Материалы международной научной конференции (Минск, 8-9 ноября 2007 года). Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск, 2007.
17. Петрушак В.Л. Облик грядущего и перспективы восточнославянского мира // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ун-та. Серыя 1. Гісторыя, філасофія, сацыялогія, №3 (72), 2008.
18. Кулаков И.Д. По поводу критики традиционного понимания формы как структуры // Сборник аспирантских работ. Общественные науки: Философия; Научный коммунизм. – Казань. Изд-во Казанского ун-та, 1975.
19. Кулаков И.Д. О взаимосвязи «содержания» и «формы», «части» и «целого» в «Капитале» К. Маркса // Сборник аспирантских работ. Общественные науки: Философия; Научный коммунизм. – Казань. Изд-во Казанского ун-та, 1976.
20. Кулаков И.Д. К вопросу о понятии формы в «Капитале» К.Маркса / Белорус. Гос. Консерватория им. А.В. Луначарского, 1984. – 38 с. Рукопись деп. В ИНИОН АН СССР, №16110 от 26.03.1984.
21. Кулаков И.Д. К новому рационализму // Тенденции духовного развития современного общества: Наука. Филосфия, Нравственность. Материалы международной научной конф. (Минск, 24 сентября 2004 г.); Ин-т философии НАН Беларуси. – Минск, 2004.

УДК 930

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ В
СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ**

М.В. Стрелец, О.И. Билевич

УО «БрГТУ», г. Брест, Республика Беларусь

Цель доклада – постичь феномен исторической антропологии. Стремясь достичь данную цель, авторы выясняют причины появления указанной отрасли гуманитарного знания, очерчивают её

предмет, выделяют характерные для неё проблемные комплексы, соотнося их с ключевыми проблемами иных социально-гуманитарных наук.

«Какие обстоятельства вызвали появление исторической антропологии? Появление этого направления относится примерно к семидесятым годам XX столетия. Целый ряд факторов способствовал становлению этого направления. Нужно сказать о том, что на протяжении XX столетия историческая наука развивалась, прежде всего, как изучение массовых явлений. Считалось, что изучения достойно прежде всего то, что представляет собой нечто массовое, затрагивает судьбы тысяч, даже миллионов людей. На переднем плане исторической науки находились прежде всего исследования социально-экономических явлений и вообще все то, что можно как-то подсчитать. Поэтому особое развитие получила, так называемая, клеометрия, то есть применение математических методов и статистических в работах историков. К этому надо добавить, что такое направление исторических исследований тесно связано с взаимодействием, слиянием социальных наук, так сказать, смежных дисциплин с историей: социологией, статистикой, рядом других дисциплин, географией. Однако после Второй мировой войны, когда казалось бы обозначенные сейчас направления утвердились окончательно и бесповоротно, стали раздаваться голоса недовольных таким положением дел. Вдруг оказалось, что за массовыми явлениями куда-то исчез живой конкретный человек, то есть история оказалась наукой без живых людей. И на волне такого неудовлетворения полученными результатами стали вырабатываться новые подходы.

Еще ряд моментов можно принять во внимание. Надо сказать, что период послевоенный, пятидесятые, шестидесятые годы, стал временем крушения колониальных империй в мире, то есть очень многое изменилось. Вместе с крушением колониализма стал уходить в прошлое и европоцентристский взгляд, то есть такое объяснение истории, когда все события по всему миру видятся из Европы, так говоря, из метрополии, из центра некоего устройства мирового. И поэтому долгое время до этого периода, действительно, история понималась каким-то единственным образом: что только так, как в Европе все везде происходило и только так и может происходить. Но преодоление европоцентризма – это очень важный процесс, важное явление в гуманитарных науках. Некая вершина, некая кульминация, этого процесса преодоления, избавления от европоцентризма совпадает с бурным процессом деколонизации. Совпадение этих факторов: с одной стороны – разочарование в массовидности, в количественных, исключительно количественных, методах в изучении структуры, вообще больших процессов, с другой стороны – необходимость пересмотреть европоцентристский взгляд.

Еще сюда можно добавить также возрастающее влияние таких дисциплин, как социальная антропология, культурная антропология. Эти направления у нас теперь часто обозначаются западным термином “этнология”. Влияние этих дисциплин наряду с политическими науками привело к тому, что в разных странах Европы, а также Америки, начиная с семидесятых годов, интенсивно формируется анализируемое направление.

Сам термин “историческая антропология” был сконструирован по образцу социальной антропологии и культурной антропологии. Начиная с семидесятых годов постепенно происходит становление (соответствующих. – М.С., ОБ.) теоретических подходов, появляются многие выдающиеся новаторские работы, для которых со временем появился обобщающий термин “историческая антропология”. Здесь нужно сказать о том, что в разных странах была своя специфика, свои особенности. Нужно подчеркнуть, что не существует какого-то единственно правильного понимания и есть разные варианты» [1].

«Можно констатировать наличие, по меньшей мере, двух трактовок или двух программ исторической антропологии в современной науке. Одна трактовка связана с традицией школы “Анналов” (включая не только французских историков, но и их единомышленников в других странах); для нее характерно видеть в исторической антропологии “новую историческую науку” в целом, а сам ее предмет представлять в виде очень устойчивых, существующих в длительной временной протяженности структур повседневности» [2]. «Претензии основоположников школы “Анналов” Блока и Февра были направлены на то, чтобы сделать историю не отдельной, четко определенной в своих конкретных границах сферой знания, а представить ее фундаментальной междисциплинарной наукой о человеке, вовлекающей в сферу своих исследований любые события, формально и не относящиеся к истории. Человек оказывается тем магнитом, который, притягивая к себе сферы исследований самых разных наук, позволяет рассматривать их в историко-антропологической перспективе; таким образом, история как бы преодолевает отличие “наук о духе” и “наук о природе”, установленное В. Дильтейем» [4]. «В семидесятые годы такие видные ученые, как

Жак Ле Гофф, выдающийся медиевист, его коллега Андре Бергиер, ученик Ле Гоффа Жан Клодт Шмидт и некоторые другие ученые стали развивать, активно пропагандировать это направление. Но особенностью именно французского варианта (он стал широко известен в других странах, в том числе постсоветских) является то, что предметом исторической антропологии в этом французском истолковании, по существу, объявляется история ментальностей. Ментальности – некие мыслительные структуры, матрицы мышления. Это разработка прежде всего именно французских ученых гуманитариев. Затем история ментальности перешагнула границы Франции и стала международным направлением в исследованиях. На постсоветском пространстве горячим поборником, сторонником этого направления был и остается Арон Яковлевич Гуревич – выдающийся медиевист. Постсоветские ученые, а также начинающие исследователи – студенты, конечно, прежде всего знакомы с этим направлением по работам Арона Яковлевича Гуревича, а также по переводам французских трудов, как правило, под редакцией, наблюдением Гуревича» [1]. В этой связи есть смысл привести следующий пассаж из книги Арона Яковлевича *«Исторический синтез и школа Анналов»*: "Можно как угодно относиться к этому историографическому течению, но его необходимо знать. Я бы решился на утверждение, что современный историк, независимо от того, какими проблемами он занимается, не может не знать основной продукции "анналовцев" и не интересоваться, что за вопросы они задают источникам и с помощью каких методов получены ими те или иные результаты. Нельзя быть на уровне мировой науки, не обладая подобного рода знаниями, но незачем заниматься историей, если вы не на уровне мировой науки"[3]. «Современные российские продолжатели школы "Анналов" представлены, помимо А.Я. Гуревича, такими исследователями, как Ю.Л. Бессмертный, А.Л. Ястербицкая, Л.М. Баткин, Ю.Н. Афанасьев, Вяч. Вс. Иванов и др. Основным периодическим органом печати, представляющим их основные исследования в самых разных сферах и знакомящих с переводами работ зарубежных представителей исторической антропологии, является выходящий с 1989 года журнал "Одиссей. Человек в истории", каждый номер которого имеет свою центральную тему. Так, например, выпуск 1990 года был посвящен теме "Личность и общество", а 1991—теме "Культурно-историческая антропология сегодня". В целом же направленность "Одиссея" старается органично совмещать в представляемом содержании так называемую "линию Блока", связанную с изучением социальных основ истории, и "линию Февра", направленную на исследование культурных фундаментов цивилизаций»[4].

«Итак, в этом варианте историческая антропология представляет собой проект коренной переделки, пересмотра всей исторической науки, то есть реформы. Смыслом такого пересмотра исторической науки является именно изучение долговременных структур, поведенческих структур, которые проявляются в речи, жестах, в повседневном обиходе людей. Целый ряд работ в таком направлении появился как теоретических (здесь, прежде всего следует назвать уже упомянутые имена Ле Гоффа и Бергиера, сформулировавших концептуальные подходы), так и уже представляющих собой конкретные разработки, конкретные исследования в этой области. Но здесь, конечно, нельзя смешивать эти два, безусловно, родственные, но в то же время несовпадающие направления: историю ментальностей и историческую антропологию. Вместе с тем, во французском варианте, как и во всех остальных, безусловно, подчеркивается теснейшая связь между антропологией, полевыми исследованиями, наблюдениями антропологов и, с другой стороны, опытом историков. И тут есть как общие моменты, так и отличия. Конечно, историк лишен возможности наблюдать воочию, непосредственно, можно так сказать, своих героев в отличие от антрополога, который приезжает на некий остров, в некую страну и беседует с местными жителями, записывает их свидетельства, их легенды, рассказы и так далее, потом анализирует и создает свой труд. Но, тем не менее, у историка есть возможность путем использования интенсивной методики, устраивая "перекрестный опрос" тех свидетельств источников, которые до него дошли, воссоздать жизнь какой-то минувшей эпохи во всех деталях, во всех красках. Если только это позволяют его источники. В работах названных авторов такие попытки и были предприняты.

Можно сказать, классикой семидесятых годов именно во Франции в жанре исторической антропологии стала книга Ле Руа Ладюри "Монтайю – окситанская деревня в конце XIII – начале XIV века". Она неожиданно для самих издателей вдруг стала бестселлером и ее читали не только специалисты, но и те, кого принято называть рядовыми читателями» [1].

«Другой вариант понимания исторической антропологии представлен Питером Берком; к нему близки также итальянские приверженцы микроистории (К.Гинзбург, Дж. Леви и др.), некоторые американские (Н.З.Дэвис) и германские (Х.Медик) исследователи. В этой версии историческая антропология предстает лишь как одно из направлений социальной (социокультурной) истории»[2].

«Отличия этого подхода от другого, охарактеризованного раньше, таковы. Во-первых, здесь подчеркивается особое внимание историков, которые работают в этом ключе, к отдельным случаям. Итак, характеризуются не столько некие общие тенденции, тем более какие-то статистические подсчеты, а как раз исследование отдельных случаев. Затем, в центре внимания оказываются малые сообщества, вроде той деревни Монтайу, которая только что упомянута в докладе. Получается, что метод работы – применение такого “социального микроскопа”, то есть микроисторическое исследование. И, за счет ограничения масштаба, достигается большая глубина, большая красочность и жизненность. Затем, еще одна важная черта, о которой подчеркивает Питер Берк, это внимание к тому, что Лиффорд Кирц – известный американский этнолог – назвал *local knowledge*, то есть местное знание, можно сказать, местная точка зрения на происходящее, что туземцы понимают под окружающими их явлениями, как они это называют то, что происходит в их жизни. Итак, вместо того, чтобы применять некие каузальные объяснения, вместо того, чтобы говорить о долговременных тенденциях, всего того, что, собственно, сами жители, сами герои событий часто не видят, не понимают и называют вещи совершенно другими именами, вместо этого предлагается интерпретация происходящего в данном месте, в данное время в терминах норм и категорий самого общества. Затем, особое внимание символизму повседневной жизни, то есть ритуалам, манерам, этикету и так далее, тому, что составляет рутину, повседневность. И, наконец, Берк подчеркивает наличие своеобразных теоретических истоков этого направления. Если, так называемая, большая социальная история, та которая преобладала до недавнего времени, вдохновлялась теориями Маркса, Вебера и других крупных теоретиков, то для историков-антропологов большое значение имеют труды Эмиля Дюргейма, видного французского социолога, Адельда ван Гиннапа, Марселя Мосса (Марсель Мосс – французский этнолог, сильно повлиявший на гуманитарные знания в XX столетии, знаменит своим трудом о “Эссе о даре”) и, наконец, такие имена, как Лиффорд Кирц, уже упомянутый американский исследователь, французский исследователь Пьер Бурдьё и другие. Таким образом, Берк подчеркивает влияние смежных дисциплин на формирование исторической антропологии – социологии, собственно, антропологии, в ее различных вариантах; это также важно для понимания того, о чем идет речь» [1].

«Можно, однако, попытаться выделить ряд черт, присущих исторической антропологии в обеих ее трактовках: так, возможно, мы приблизимся к сути, смысловому ядру нового научного направления. Прежде всего, сторонники этого направления единодушны в том, что касается междисциплинарного характера исторической антропологии, плодотворного взаимодействия ее с социальными науками, в первую очередь – этнологией. Все они, далее, видят важную задачу исторической антропологии в открытии инаковости минувших эпох, непохожести их друг на друга и на наше время. Образ другого – тема, одинаково близкая и этнологам, и историкам антропологического направления. По словам Клиффорда Гирца, американского этнолога, чьи работы особенно часто цитируются историками, “задача этнографии... заключается на самом деле в создании (наряду с искусством и историей) таких описаний, которые позволяли бы перенастраивать наше внимание”. И далее он продолжает: “Формирование представлений о различиях (имеется в виду не изобретение новых, а обнаружение реальных различий) остается наукой, в которой мы все нуждаемся”. Наконец, историческая антропология, по общему мнению ученых разных стран, имеет свою специфику в сфере проблематики: особое внимание историки этого направления уделяют символике повседневной жизни, манере поведения, привычкам, жестам, ритуалам и церемониям» [2].

«Среди основных познавательных задач, решаемых исторической антропологией, заслуживают специального внимания следующие.

Во-первых, изучение представлений об окружающем мире и обществе, свойственных на каждом историческом этапе людям разных социальных классов («модели мира»), во многом определяющих поступки людей каждой группы.

Во-вторых – изучение взаимодействия этих стереотипов с индивидуальными (и групповыми) особенностями индивидов, в результате какого взаимодействия формируются повседневные поступки людей.

В-третьих – изучение психофизической и когнитивной составляющей в групповом и индивидуальном поведении отдельных людей и их социально-культурных групп на каждом из исторических этапов.

В-четвертых – изучение преобразующей роли историка-исследователя в формировании исторического знания на разных этапах его развития.

С учетом сказанного специалист по исторической антропологии должен опираться в своей работе на совокупность знаний, почерпнутых из разных отраслей исторической науки, а также из смежных с историей социальных наук (в частности, из физической и социальной антропологии, психологии, лингвистики, филологии и др.). Одной из важнейших задач подготовки специалиста по исторической антропологии оказывается в связи со сказанным обучение практике комплексного анализа данных, почерпнутых на исследовательских полях разных научных отраслей.

Среди навыков, которыми должен обладать специалист по исторической антропологии, следует назвать (помимо общих для всех специалистов по истории) следующие:

- умение осмыслить связь поведения людей того или иного общества (и той или иной группы внутри него) с культурными традициями и с их интерпретацией в повседневной практике;
- умение осмыслить своеобразие («странность») людей разных социально-культурных групп; умение объяснить различия в понимании (или, наоборот, непонимании) друг другом представителей разных социально-культурных универсумов, в том числе при столкновении между собой разных этносов;
- умение объяснить место и роль исторической антропологии в историческом познании» [5].

Список использованных источников

1. Кром, М.М. Историческая антропология / М.М. Кром // <http://www.sonoteka.spb.ru>. – 3 марта 2010 года.
2. Бессмертный, Юрий Историческая антропология сегодня: французский опыт и российская историографическая ситуация / Юрий Бессмертный // anthropology.rchgi.spb.ru/ant_ist.html – 3 марта 2010 года.
3. Гуревич, А.Я.. Исторический синтез и школа Анналов /А.Я. Гуревич. - М.: "Индрик", 1993. - С. 270.
4. Дорофеев, Д.Ю. Историческая антропология / Д.Ю. Дорофеев // anthropology.ru/ru/.../dorofeev/metares02_08.html – 10 марта 2010 года.
5. Приложение: Из материалов Ученого Совета РГГУ 13 января 1998 г.// cmb.rsuh.ru/section.html?id=3547 – 2 марта 2010 года.

УДК 316 .61 : 94 (47)

ЛИЧНОСТНЫЙ АСПЕКТ ВЕЛИКОЙ РЕФОРМЫ 1861 ГОДА

*(Работа выполнена при поддержке РГНФ и Администрации Смоленской области,
грант № 09-01-58103 а/Ц)*

Н.В. Романкова

Смоленский филиал Московского университета МВД РФ г. Смоленск, Российская Федерация

Отмена крепостного права – сюжет исторической науки давно и успешно изучаемый как отечественной, так и зарубежной историографией. Однако грандиозность реформы, размеры территории и социальные группы, которые она охватила, количество людей принявших непосредственное участие в ее реализации, сохраняют по-прежнему необходимость дальнейшего изучения отдельных аспектов этого важнейшего события российской истории XIX века.

Для проведения реформы была создана новая система учреждений. В основании ее находились избираемые из числа дворян-помещиков мировые посредники, затем следовали мировые съезды, следующей ступенью стали губернские по крестьянским делам присутствия. Контроль над деятельностью этих учреждений был возложен на Главный Комитет об устройстве сельского состояния, который был создан при Государственном Совете одновременно с утверждением Положения 19 февраля и формировался по личному назначению императора из руководителей министерств (внутренних дел, юстиции, финансов, государственных имуществ и других).

Особого внимания, с точки зрения автора, заслуживают мировые посредники, на плечи которых легла тяжелая обязанность проведения положений реформы в жизнь.

Значимость корпуса мировых посредников вполне осознавалась правительством, о чем свидетельствует тот факт, что из 132 статей Положения о губернских по крестьянским делам учреждениях 122 посвящены избранию, компетенции и ответственности этих должностных лиц.